

Донецк. Никогда больше

Каким был Донецк и во что он превратился, как миллионный город поверил в миф о «фашистской хунте» и в чем главные ошибки Украины в отношении Донбасса, как живет элита ДНР и выживают простые дончане — обо всем этом мы говорим с Аркадием (имя вымышленное) — человеком, много сделавшим для своего города, вынужденным бежать из него и понимающим, что прежнего Донецка нет и не будет...

— Аркадий, сейчас многие говорят и пишут о том, во что превратился Донецк. А каким он был — этот город — 50, 30, 10 лет назад? Ведь зерна сегодняшних проблем были посеяны не вчера...

— До середины 1960-х Донецк представлял собой город-проходную, город-шахтоуправление, мало напоминавший областной центр. С появлением местной партийной элиты чиновники постепенно превращают его в *свой* город. В Донецк приглашают ученых со всего СССР — Москвы, Ленинграда, Свердловска, Днепропетровска, возникает университет, где собираются серьезные научные силы. Донецк начинает гордиться уже *своими* вузами, *своими* учеными, *своими* предприятиями, становясь образцово советским городом.

— И чем в этом смысле он отличался от любого крупного города Восточной Украины — Харькова, например, или Днепропетровска?

— И в Харькове, и в Днепропетровске элиты были довольно старыми, а здесь не было ничего — там, где сейчас центр Донецка, в начале 1960-х

простиралось поле, работали шахты... И вдруг волею партийных боссов этот город стал превращаться в город *своих* людей — я наблюдал этот процесс 50 лет и подчеркиваю ключевое слово — *свои*. Своих не сдаем, со своими воруем, своего толкаем наверх, а при случае он нас вытянет — так, помимо обычной советской коррупции, появилась своя.

Надо учитывать и то, что Донецк (тогда Сталино) строился руками огромного количества заключенных — их отправляли на шахты, где многие оставались и после освобождения, здесь выросло второе и третье поколение этих людей, весьма специфично относившихся к закону.

— *Что, согласитесь, не объясняет то, что произошло с Донецком в последние полтора года.*

— Соглашусь, поскольку в 2012-м, когда в Донецке проходили матчи чемпионата Европы по футболу, более проукраинского города в стране не было. Весь Донецк оделся в желто-голубое, национальная символика была повсюду. Не приведи господь, кто-то появился бы с российским флагом — порвали бы. Если бы мне сказали, что через полтора года будет с точностью до наоборот — не поверил бы. На самом деле все это было наносным — шоу закончилось, а с ним закончился и «желто-голубой» период.

— *Так чем же стал Майдан для Донецка? Возможно, сработал принцип «наших бьют»?*

— Лишь отчасти, поскольку Януковича не любили. Все смирились с тем, что власть ворует, но что так ворует... Он потерял чувство меры, обычный зек, волею судьбы попавший во власть и уверовавший, что ухватил бога за бороду.

— *Если на Донбассе это понимали, почему же с бегством Януковича Киев превратился в «фашистскую хунту»?*

— Все было очень хорошо подготовлено и разворачивалось буквально на наших глазах — мы с женой живем в 150 метрах от горсовета. Сначала мимо нашего дома ходили одиночки с кричалками о федерализации, потом появились небольшие группки с российскими флагами, затем количество российских флагов увеличилось, а люди, регулярно с ними фланировавшие, под вечер на площади перед администрацией получали деньги, расписываясь

в ведомости, — я говорю о марте прошлого года. А вскоре в нашем районе появились странные персонажи, абсолютно не знавшие города. Понимаете, в центре Донецка всегда ходили добротнo одетые люди, многие — с породистыми собаками, на бульваре Пушкина — огромное количество кафе и ресторанов, всегда полно молодежи, танцующей брейк-данс, — это витрина города. А тут ниоткуда возникли какие-то странные смурные ребята, судя по остановившимся зрачкам, потребляющие все, что угодно, — от бормотухи до наркотиков. Их становилось все больше и больше — сотни автобусов привозили этих людей каждое утро и увозили каждый вечер куда-то за город, видимо, на ночлег в близлежащие поселки.

В конце марта эти «гости» стали воинственными — останавливали прохожих на улице, вешали георгиевскую ленточку. Центр к тому времени преобразился — вокруг моего дома на траве лежало огромное количество пьяных и обколотых молодых ребят. И так во всех дворах в центре города, которые стали постепенно превращаться в туалеты.

— На Майдане, где стояло вдесятеро больше людей, такого не было...

— Да и у нас тоже, центр был вылизан — там же чиновники живут, их дети, местная элита — они для себя держали его в чистоте. И вдруг — идешь по центральной улице — стоит группа под деревом и опорожняется.

— Как все же в столь короткий период с миллионным городом произошло то, что произошло?

— Это очень по-советски — пришла новая власть, и изменились правила игры. То, что пару лет назад дончане бегали с украинскими флагами, ничего не значит — в евразийском цивилизационном поле ценность самостоятельного мышления сведена к нулю.

— А местная интеллигенция, креативный класс, молодежь?

— Когда-то мозги в Донецке были в фантастической концентрации, большинство донецких институтов и предприятий работали на оборонку, причем здесь занимались именно технологиями, а соседняя Россия часто выступала в роли сборочного цеха. Но очень многих унесла первая волна постсоветской эмиграции в начале 1990-х, а к началу века Донецк стала покидать соль интеллигенции — те, кто приехал сюда в 1960-е.

Что касается новой элиты, то, когда закончились бандитские разборки 1990-х, главенствующее положение в области заняли те, кто в них выжил, — бывшие бандиты да остатки партноменклатуры, интеллигенции там не было и в помине.

— А что скажете о «совсем новых» донецких? За последний год сложилась ДНР-овская элита?

— Элита может сложиться на основе некой общности интересов, а не просто желания удержаться у власти. Задача тех, кто рулит сегодня Донецком, — как можно больше отхватить, пока они это в состоянии сделать, а потом тихо отползти в сторону, пока не шлепнули.

— Народ это понимает?

— Разумеется, но народу не до того, ему надо элементарно выжить. На 1000 грн. это практически невозможно, учитывая, что творог стоит 120-150 грн/кг, сметана — 80 грн/литр, мука — 25-30 грн., а помидоры и огурцы в разгар сезона больше 20. Подруга моей жены — ярая сторонница нового режима — получает 2000 грн. в месяц и радуется своему счастью, здорово, мол, я ведь еще три пакета гуманитарки получу. Люди уже привыкли, что для того, чтобы выжить, нужно идти за гуманитарной помощью от Ахметова — это, кстати, единственное, что напоминает сегодня о его существовании.

Есть у нас другая знакомая, пенсионерка, бывший медработник. Ночует в подвале, раз в месяц выходит в магазин и на рынок за продуктами, замораживает хлеб в морозилке и... до следующей вылазки. Звонила нам на днях, жаловалась в истерике — мол, отстояла длинную очередь, подошла к кассе, а ей говорят: касса обслуживает за рубли. Ладно, стала в другую очередь, взяла шесть батончиков, достала деньги и слышит: это социальный хлеб от ДНР — по одной буханке в руки. Я заплачу, говорит она, а ей в ответ: как

ваша фамилия? Она назвала. Проверили по спискам, и вдруг продавщица кричит коллеге: «Маша, не давай ей, она в этом месяце одну буханку уже взяла».

И это человек, у которого как раз есть деньги, — новая элита ДНР покупает у нее щенков (она завзятая собачница), с которыми потом гуляет по бульвару Пушкина. Когда в семь вечера город начинает постепенно вымирать, на этом пятачке, где сосредоточены дорогие кабаки, — дым коромыслом, верхушка ополченцев отдыхает, у входа их поджидает охрана с автоматами, в открытом джипе установлена тренога крупнокалиберного пулемета. Поэтому кто выживает, а кто и живет...

Устраиваются, кто как может, у меня, например, есть знакомые чиновники, работающие на ДНР, — получают примерно \$300-350 в месяц — это очень неплохо. На эти деньги можно иногда отовариваться в элитных магазинах, где есть все, даже черная икра по 50 000 грн/кг — и элите ополченцев она по карману.

— Как изменилось поведение горожан? Стали чаще оглядываться, прикусывать язык?

— И у них есть на это основания. По городу ездят несколько машин — раньше их называли «Чебурашки», а сейчас — «Житель», которые в радиусе нескольких километров при необходимости глушат все, что слышится, или, наоборот, записывают все, что говорится. А вычислить потом, по ключевым словам, замаскированного врага — дело техники. Это очень вредная мобильная станция, по закону она вообще не должна находиться в пределах населенного пункта, только около военных частей. Об экологии вообще отдельный разговор — недавно — после того, как над ним пару раз ухнуло, — вскрылся могильник ядерных отходов, на территорию которого боевики и сейчас свозят и разгружают боеприпасы, а также шахта «Юнком» в 60 км. от Донецка, где в 1979 году был произведен первый и последний в европейской части СССР подземный ядерный взрыв. Отлив прекратили, сейчас пойдет заражение, причем в сторону Ростовской области. Вообще, поскольку большинство шахт закрылось и из них прекратили откачку воды, то еще два-три года — и начнут падать хрущевки. Это, кстати, изредка бывало и в советское время, даже когда ситуацию держали под контролем.

— И при этом в городе еще остается достаточно много евреев, которым, в отличие от большинства дончан, есть куда бежать...

— Это правда, из оставшихся евреев (половина все-таки выехала) только 20% готовы сегодня репатриироваться, да и то при условии получения дополнительных льгот. Остальные даже не хотят обсуждать этот вопрос.

— Видимо, их все устраивает...

— Нет, такая жизнь мало кого устраивает — одни сидят и ждут, что все это вот-вот закончится, вторые думают, а куда и к кому я поеду, у третьих просто нет сил — они физически не могут подняться с места. К тому же, учтите, что большая часть общины уехала в течение последних 25 лет и молодежи в городе практически не осталось, правда, есть сотрудники еврейских организаций.

— И как они находят общий язык с новой властью?

— Приспосабливаются. Хесед работает, люди получают помощь, в синагогу стали заглядывать даже те, кто раньше этого не делал, — общая беда мобилизует, заставляет держаться вместе. Местная власть «показательно-благосклонно» относится к еврейским организациям после ряда антисемитских инцидентов осенью-зимой 2014-2015 гг. Захарченко даже приехал в синагогу на Рош а-Шана в прошлом году, поздравил общину, пока его автоматчики ждали на улице.

— Какие ошибки, на ваш взгляд, допустила Украина за последний год в отношении Донбасса?

— Самая большая ошибка, которую никто и не думает исправлять, — это полное отсутствие информационной политики. Я технарь и понимаю, что восстановить вещание украинских каналов на Донбассе технически вполне возможно. Иногда закрадывается подозрение, что это не делается намеренно, чтобы потом в дончан можно было ткнуть пальцем, вот, мол, как они к Украине относятся. А они не могут по-другому относиться, питаюсь только российской пропагандой...

— Не могут или не хотят? Да и насчет доступа к информации, в конце концов, Интернет пока никто не запрещал.

— Это типичное заблуждение столичного жителя. А у нас Интернет — это удел, в основном, молодежи, которая и так выехала или стремится это сделать. Я посылаю вполне адекватным знакомым свое сделанное в Киеве фото с новыми патрульными полицейскими и слышу в ответ: тебя уже арестовали?

Советские люди приучены верить тому, что говорят по ящику. А в Киеве почему-то думают, что Донбасс дозреет сам. Ничего подобного! Ни у кого в подкорке не возникает мысль о любви к Украине, единственная цель — выжить, а выжить — это прогнуться и мило улыбаться человеку с автоматом.

Вторая ошибка, а скорее, преступление — это то, что творится на КПП, отданных в руки продажных военных, ментов и СБУ. Когда очереди на блокпостах растягиваются на километр, а эти жирные ублюдки сидят в палатках и говорят — у нас обед, а потом ходят и собирают дань в сотни и тысячи гривен — как думаете, это восстанавливает доверие к украинской власти?

Блокада в нынешнем ее виде представляет собой исключительно деньги, которые на ней зарабатывают. Причем, и наши, и сепаратисты. Друг приехал в Киев, рассказывает — четыре блокпоста прошел — два украинских и два сепаратистских. ДНР-овцы просто берут полтинник и улыбаются, мол, это еще ничего, вы сейчас к своим приедете. Наши подходят и говорят: у нас сегодня тарифы другие, вам показать? В общем, сошлись на двухстах гривнах. За месяц дежурства на блокпосту можно «заработать» несколько тысяч долларов. И ведь тот, кто их «заработал», будет считаться патриотом. Жизнь сложна, может, он и воевал до этого на передовой, а потом его сюда на откорм перевели — наверное, и такое бывает. Но так или иначе, пока блокада отражается исключительно на мирном населении. Продукты и лекарства по пути в Донецк становятся просто золотыми и по этой золотой цене они доступны боевикам, а не рядовым горожанам.

— Какой вам видится нынешняя стратегия Украины в отношении Донбасса? Чего добивается власть — реинтегрировать этот регион любой ценой или, наоборот, спихнуть Донбасс Путину?

— Стратегии как таковой пока нет, и это понятно — обе стороны устали от проблемы и, не видя способа ее решения, пытаются это решение отложить. Никто не знает сегодня, что делать с Донбассом — он как чемодан без ручки. На практике это означает замораживание конфликта — до появления новых факторов, не зависящих ни от одной из сторон, которые помогут так или иначе развязать ситуацию. Другое дело, что время работает как против России, так и против нас — люди просто отвыкают от Украины, приспособившись к жизни в новообразовании под названием ДНР.

Я общаюсь с десятками людей, которых знаю много лет, — начиная с весны этого года, они признаются, что им глубоко плевать, в какой стране жить, — лишь бы война поскорее закончилась. При этом все прекрасно понимают, что прежнего города уже нет и не будет, появляется некая новая агломерация под названием Донецк.

— Все так фатально?

— Даже, чтобы превратить Донбасс в некое подобие Украины с бывшими регионалами у руля, которые, кстати, уже стоят в очереди, чтобы вернуться во власть, — даже на это потребуются 5-10 лет и колоссальные вложения. И еще одна мелочь: другой человек в Кремле.

Иногда мне кажется, что это возможно, если убрать всех орков с автоматами, прекратить обстрелы, вернуть все социальные выплаты и от лица украинской власти торжественно объявить: мы бросаем миллиарды на восстановление Донбасса. Подобно тому, как это сделал Путин в Чечне.

— Но где взять донбасского Кадырова?

— У нас он был — Ринат Ахметов. Но он обманул сам себя, что удивительно — у него прекрасная аналитическая команда, в которой, кстати, много евреев. Как бы то ни было, Ахметов — человек неординарный, хотя и забрался на вершину по тропам, как, собственно, отец и сын Кадыровы.

Проблема в другом — орки не уйдут. В Россию их не пустят — там тоже

никому не нужен генетический мусор, почувствовавший вкус крови. Оружия у них хватает, боеприпасов тоже — спасибо «старшему брату». Все, что они могли прибрать к рукам, — уже прибрали, скоро возьмутся за недвижимость, ведь четверть квартир в центре города пустует — люди бежали. Я не мещанин и не чахну над золотом, которого не было и нет, но есть другое — библиотека в 2500 книг, среди них — подписанные Окуджавой и Высоцким, которого я принимал у себя в одной из лабораторий Донецкого университета — он приезжал с концертом. Вот с ними мне действительно жаль расставаться...

Как ни горько сознавать, в Донецке не осталось тех, кто мог бы его поднять, и он постепенно превращается в то, чем был 50 лет назад, — город-проходную, но без институтов, заводов и шахт. Поэтому остается признать очевидное — Донецк, даже такой, каким он был два года назад, — кончился...

Беседовал Михаил Гольд